

Работа „Венгерская реформатская интеллигенция и чешское национальное возрождение“ является первой научной монографией по истории чешско-венгерских отношений и представляет собой одновременно отдельную статью для ознакомления с началом чешского национального возрождения (эпоха формирования чешского народа в 1781—1848 гг.). Она является также первым научным синтезом этой темы, над которой работали до сих пор лишь протестантские историки. Они видели в возрождении только составную часть истории церкви и не понимали его более глубокого исторического значения для познания истории чешско-венгерских отношений и начала чешского национального возрождения. Эта работа исходит из изучения большого количества архивного материала и исходит из критического изучения и критической оценки существующей до сих пор литературы о предмете этой книги. Богатые источники для написания вышеприведенной книги нашел автор в большинстве чехословацких и венгерских церковных и государственных архивов (напр. Архив моравской суперинтендентуры в Праге, Архив предтисской реформатской суперинтенденции [реформатская епархия] и кальвинистской коллегии в Шарошпатаке, Архив затисской реформатской суперинтенденции и кальвинистской коллегии в Дебрецене, Архив задунайской реформатской суперинтенденции и кальвинистской коллегии в Папе, Рукописный отдел библиотеки имени Сеченьи и Радаи в Будапеште, Архив Венгерской академии наук в Будапеште, Библиотека сбора имени Гуса в Праге, Центральный государственный архив в Праге и Государственный архив в Брно). Эти документы имеют историческое значение, так как они ярче документируют некоторые главные выводы книги, и они имеют также значение для изучения языка, так как относятся к концу 18 и к первым десятилетиям 19 вв., т. е. к чрезвычайно важному периоду в процессе окончательного формирования и стабилизации современного венгерского языка, поскольку они написаны писателями из разных частей Венгрии. Это были сторонники и также противники реформы венгерского языка, это были люди, которые отличались друг от друга по своему национальному и социальному происхождению и диалектами. С этой точки зрения является особенно ценной написанная по-венгерски переписка между венгерскими реформатскими пасторами в Моравии и моравским реформатским суперинтендентом Михалем Блажеком.

Деятельность венгерской реформатской интеллигенции в чешских землях после издания указа о веротерпимости принадлежит к самому значительному этапу чешско-венгерских отношений во время национального возрождения. Значение этой деятельности заключается в том, что она является составной частью отношений между чешским и венгерским национальными движениями в народной среде, и помогает объяснить многие важные вопросы о проблематике чешского национального возрождения, особенно вопрос о взаимоотношении между народом и интеллигенцией и об их активном участии в процессе возрождения. Только тщательный анализ роли реформатских церквей в Чехии и Моравии привел к исторически правильному обсуждению деятельности венгерской реформатской интеллигенции в чешских

землях после издания указа о веротерпимости. Эти церкви как учреждения религиозного управления целиком стояли на стороне феодального строя и помогали господствующим классам идеологически владеть массами трудящихся. Эту задачу они выполняли тем успешнее, чем лучше им удалось организовать иерархическую систему. Государственные и дворянские власти поддерживали их особенно в период подъема революционной активности народных масс во время Великой французской революции и наполеонских войн. В деле организации и материального обеспечения реформатских церквей в Чехии и Моравии оказала большую помощь реформатская церковь в Венгрии; по инициативе чешских крепостных, бежавших от преследования католической церкви в Венгрию, предшественница суперинтенденция организовала во главе с суперинтендентом Салаи и в сотрудничестве с реформатской коллегией в Шарошпатаке религиозную миссию в чешские земли. В 1784 г., когда были созданы самостоятельные реформатские суперинтенденции в Чехии и Моравии, ушло в наши земли только из школы в Шарошпатаке больше сорока венгерских кальвинистских проповедников и учителей.

Главный повод к венгерской реформатской миссии в чешские земли дали чешские некаатолические крепостные, которым при посещении Мишкольца 1 февраля 1782 г. удалось привлечь к этой мысли суперинтендента Шамуеля Салаи и которые уже в конце 1781 г. вступили в контакт с агентом венгерской реформатской церкви в Братиславе Яношем Магайфальви и с агентом венгерской реформатской церкви в Вене Шамуелем Надьем. Последние познакомили венгерских кальвинистских представителей с требованиями чешских некаатолических крепостных. Суперинтендент Салаи энергично заступился за чешских реформатов, подобрал для венгерской реформатской миссии в чешские земли подходящих кандидатов, и по его инициативе также ведущие деятели его суперинтенденции и профессора коллегии в Шарошпатаке (особенно Габор Ери Филёп и Иштван Сентдьердьи) стали поддерживать в этом деле чешских некаатоликов. Дневник суперинтендента Салаи второй половины 1782 г. и его переписка 1782—1784 гг. представляют самый значительный источник для познания возникновения и начала организации венгерской реформатской миссии в чешские земли. Большую поддержку оказали также реформатская коллегия и записная суперинтенденция в Дебрецене и главный куратор венгерских реформатских церквей — известный венгерский писатель периода просвещения барон Гелеон Радаи — и другие венгерские кальвинистские дворяне (Телеки, Силаши и др.). В 1782—1813 гг. ушло из кальвинистских университетов в Шарошпатаке и Дебрецене в чешские земли много венгерских проповедников и учителей. Сначала они были лишь священниками и учителями реформатских общин (так называемых „сборов“) в Чехии и Моравии и только с конца 18 ст. учительский состав стал пополняться пасторами и учителями чешского происхождения, окончившими учебу в венгерских кальвинистских школах в Шарошпатаке, Дебрецене, Кечкете, Надькёреше, Пале и др.

Имея в виду то, что евангелики гельветского вероисповедания после издания указа о веротерпимости жили у нас только в деревне, также венгерская реформатская интеллигенция работала в наших деревнях и деревенских городках и вошла, таким образом, в тесные сношения с народом в чешской деревне. Это значительное явление в истории чешско-венгерских отношений особенно важно и тем, что сохранились, таким образом, материалы, по которым мы можем исследовать эти отношения и узнать в них творческую активность народа и его идеологическое влияние на венгерских реформатских пасторов и учителей. Это влияние было обусловлено в значительной мере и социальными обстоятельствами, в которых венгерские реформатские пасторы и учителя у нас жили. С тенденцией к более радикальным антифеодальным взглядам можно встретиться у венгерской реформатской интеллигенции, особенно в более бедной, социально беспокойной народной среде (Валахия, Чешско-Моравская возвышенность). Но в деревнях, где жило большинство

богатых крестьян (бассейн р. Лабе, Южная Моравия), мы находим среди венгерских реформатских пасторов и учителей гораздо больше консервативных элементов, преданных феодальному строю. Это сравнение приводит нас также к пониманию негативной роли протестантских церквей как помощника и идеологического защитника феодализма. Первоначальное негативное отношение некоторых феодалов и государственных властей к указу о веротерпимости Иосифа II изменилось в активную поддержку его, так как с течением времени эти церкви все ярче поддерживали господствующие круги феодального общества, подавляя своим идеологическим влиянием недовольство народа. Но усиливающийся кризис феодализма привел к тому, что поддержка феодализма протестантскими церквями в чешской деревне среди чешской реформатской интеллигенции сильно нарушалась. Кроме того венгерская интеллигенция принимала идеи очень прогрессивных венгерских кальвинистских школ, находившихся в то время под влиянием передовой идеологии западноевропейской буржуазии, а именно через посредство кальвинистских центров в Голландии и Швейцарии.

Часть венгерской реформатской интеллигенции, происходившей или из народа, или из мелкого венгерского дворянства, социальное положение которого иногда не отличалось от социального положения крепостных, избавилась под влиянием прогрессивных буржуазных идей и чешской народной среды от феодальных предрассудков, вытекающих из ее сословной принадлежности и службы в церковных учреждениях, и симпатизировала или приняла антифеодальные стремления чешского народа. Значительное место среди них занимают неутомимые борцы против произвола государственных и дворянских властей Иштван Кальная, Иштван Балла и Иштван Цако. Последнего церковные власти в 1815 г. сместили „из-за бунтарство против существующего строя“. К числу самых передовых членов венгерской реформатской интеллигенции принадлежали Янош Инцеди и Михаль Блажек, которые были, по-видимому, в прямой связи с яacobинским движением в Венгрии и которых государственные власти обследовали из-за мнимого участия в так наз. гельветском восстании в Чешско-Моравской возвышенности в 1797 г. Оба несколько раз высказались против феодальной эксплуатации и гнета. Инцеди, происходящий из мелкого венгерского дворянства, пришел к своей антифеодальной точке зрения после ознакомления с трудными жизненными условиями чешского народа в деревне, тогда как Блажек пришел к этому взгляду уже во время учения в Швейцарии и Голландии, где он ближе познакомился с буржуазной общественной системой. Блажек также нашел в кальвинистских центрах в Голландии и Швейцарии в 80 годах 18 ст. финансовую помощь для материального обеспечения реформатской церкви в Моравии. Кроме того он организовал в Венгрии в 1787 г. сбор денег. Доход с этого сбора и финансовые пособия, полученные в Голландии и Швейцарии, он вложил в капиталистические предприятия, чтобы — из-за недостатка покровителей из дворянства — привлечь на сторону реформатских церквей в Моравии промышленную буржуазию.

Очень значительной оказалась также культурно-просветительная деятельность венгерской реформатской интеллигенции среди чешского народа. Часть венгерских реформатских пасторов и учителей, в большинстве случаев участников венгерского национального движения, с которым они познакомились, главным образом, в кальвинистских университетах в Шарошпатаке и Дебрецене (это были самые значительные центры венгерской просвещенности в конце 18 и в первой половине 19 вв.), сблизилась с чешским национальным движением, приняла его программу народной культурно-просветительной работы, осуществляемой нашими просветителями народа и приняла участие в развитии чешской литературы эпохи возрождения. Самые большие заслуги в этой работе принадлежали Михалю Блажеку и Яношу Вегу, которые перевели и самостоятельно создали для чешских реформатов большинство необходимых для организации церковной жизни книг (догматические пособия, церковные песенники, собрания проповедей и молитв и т. д.). Напр. Вег перевел на

чешский язык „Гейдельбергский катехизис“ по венгерской обработке Сидериуса и „Библическую историю“ Остервальда по венгерским изданиям Мароти и Лошонци, Блажек перевел „Руководство для лекций по христианской религии“ теолога Мигая Бенедика из Дебрецена и популярные „Молитвы Сиксаи“, изданные четыре раза на чешском языке. Основное догматическое произведение кальвинизма „Гельветское вероисповедание“ перевел на чешский язык с помощью Вацлава Матея Крамериуса в 1784 г. Йозеф Салаи. Большинство чешских книг венгерских реформатских пасторов в чешских землях было переведено с венгерского языка. Среди этих авторов были выдающиеся венгерские кальвинистские мыслители Ференц Папаи Париз, Двёрдь Мароти, Иштван Лошонци и Иштван Гатвани. Однако чешское литературное творчество венгерских реформатских пасторов в Чехии и Моравии, несмотря на антифеодальные идеи у Вега, Блажека и др., имело в большинстве случаев религиозный, ортодоксально-кальвинистский характер и служило для расширения религиозного мировоззрения. Особенно реакционны произведения Яноша Салатнаи.

Большинство венгерских пасторов с большим энтузиазмом пропагандировало чешскую литературу периода возрождения и чешские стремления этого периода в области народного просвещения. Знакомство с произведениями Яна Амоса Коменского, которые были среди венгерской реформатской интеллигенции очень популярны, помогло им полюбить чешскую историю и чешскую культуру. Доказательством культа Коменского является венгерский перевод его произведения „Лабиринт мира и рай сердца“. Это произведение перевел в 1805 г. пастор Иштван Римань.

Самое большое значение в деятельности венгерской реформатской интеллигенции в области культурно-просветительной работы среди чешского народа во время возрождения имела ее забота о воспитании вышедшей из народа чешской интеллигенции в венгерских реформатских школах в Дебрецене, Шарошпатаке, Папе, Кечкемете и др. В этих школах чешские студенты познакомились с большинством представителей венгерского национального движения и посредством них также с буржуазными западноевропейскими идеями, проникавшими в Венгрию из кальвинистских центров в Голландии и Швейцарии. Венгерские реформатские пасторы в Чехии и Моравии (напр. Блажек, Ковач, Инцеди и Кун) обеспечивали чешских студентов бесплатным содержанием в общежитиях венгерских кальвинистских школ и у своих родственников в Венгрии и хлопотали за них также перед государственными и дворянскими властями, стремившимися к максимальному ограничению учения детей чешских крепостных в Венгрии. Многие выдающиеся представители чешской интеллигенции, вышедшие из народа, окончили с помощью венгерских кальвинистов учебу в реформатских училищах в Венгрии и стали просветителями народа в чешской деревне (Ян Кошут, Йозеф Гержа) и писателями (Ян Шолин-Ледечки, Йозеф Качер). Один из них — Йозеф Ростомил из Босковиц — остался в Венгрии и во время венгерской революции 1848—1849 гг. отличился как уполномоченный венгерского революционного правительства в западной Европе, где он изучал систему образования учителей. На учение чешских студентов в реформатских школах в Венгрии не обращал до сих пор никто из исследователей никакого внимания. В будущем нельзя будет при исследовании значения заграничных школ для воспитания чешской интеллигенции принимать во внимание лишь лютеранские школы в Словакии и евангелические университеты в Германии, а также важную роль венгерских кальвинистских школ.

Главные результаты произведения „Венгерская реформатская интеллигенция и чешское национальное возрождение“ заключаются в том, что мы можем сформулировать несколько более общих суждений, имеющих основное значение для всего чешского национального возрождения. Одним из самых значительных явлений, позволяющих более глубоко объяснить чешское национальное возрождение, являются отношения между народом и интеллигенцией в процессе возрождения и их участие в развитии чешского

национального движения и чешской культуры этого периода. Автор думает, что в развитии чешского национального движения и чешской культуры периода возрождения приняли участие не только интеллигенция, а также народ. Поэтому он выдвигает свой тезис о совместном участии народа и интеллигенции в развитии чешского национального движения и в образовании чешской культуры этого периода. Диалектическое понимание отношения между народом и интеллигенцией во время чешского национального возрождения приводит нас не только к познанию активной роли народа, его влияния на деятельность чешской интеллигенции, более или менее радикально защищающей антифеодалную борьбу чешских крепостных, а также к определению ее заслуг в культурно-просветительном повышении чешских народных слоев с точки зрения требований чешского национального возрождения.

Деятельность венгерской реформатской интеллигенции в чешских землях в конце 18 и в начале 19 вв. имеет бесспорно для чешского национального возрождения большое значение и представляет также важное явление в чешско-венгерских взаимоотношениях.

(Перевод: Иржи Бронец)